

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Кузьминов А. И., Набиуллина Э. С., Радаев В. В., Субботина Т. П. Отчуждение труда: история и современность. М.: Экономика, 1989. 286 с.

Почему в последнее время ученые и публицисты часто обращаются к проблеме отчуждения или хотя бы просто используют это понятие? Да потому, наверное, что в практике и теории накопилось слишком много проблем, так или иначе связанных с тем, что люди и к общественной собственности, и к труду, и к его результату относятся как к чужим. Отсюда массовая некомпетентность управления, неквалифицированный, некачественный труд, приписки, бесхозяйственность.

Кажется, что экономика раздвоилась. От нее, как в сказке Е. Шварца, отделилась тень и зажила самостоятельной жизнью. Фиктивная, бумажная экономика, где господствовали планомерность, разного рода «исходные» и «основные» отношения, где производство развивалось семимильными шагами и нацеливалось исключительно на «полное благосостояние и свободное всестороннее развитие личности», не только отрывалась от реальности, но и стала помыкать ею. Бюрократические структуры разверстывали сверху вниз планы и директивы, подавали снизу вверх отчеты и рапорты, распределяли как действительно созданный, так и существующий лишь на бумаге продукт. Деятельность ведомственных образований только внешне напоминала хозяйствование. Удовлетворение жизненных потребностей людей все больше становилось делом неофициальных хозяйственных образований.

Эта картина всеобщего отчуждения, конечно, несколько утрирована. Но острота проблемы очевидна. Именно поэтому сейчас необходимы теоретические исследования вопросов отчуждения и прежде всего — труда.

Наследие классиков по данной теме долгие годы фактически было изъято из научного обращения, а вместе с ним предано забвению то направление марксистской теории, которое получило название политической экономии труда. Именно социально-экономическое положение работника с точки зрения самого работника и является объектом анализа в рецензируемой книге.

Заслуживает внимания прежде всего субъективный характер подхода авторов к экономической системе. Одна из бед нашей политэкономии — в гипертрофированном объективизме: она рассматривает человека не более как фактор производства, а производственные отношения — как технологические связи, обслуживаю-

щие схемы «ресурсы — продукт». (Иногда добавляется понимание человека как фактора потребления, что преподносится в качестве неслыханного научного новаторства.) Отсюда излишняя рационалистичность и механистичность анализа, выводов и рекомендаций. Из поля зрения исследователей исключаются мотивации и ценности, традиции и стереотипы, культурная и этическая составляющие экономического поведения. Такая упрощенная модель не могла сколь-нибудь удовлетворительно объяснить и истолковать факты реальной действительности и не имела предсказательной силы. Если в эту модель и допускались экономические интересы, то они, как и любые бюрократические иероглифы, спускались сверху. Человек получал готовые вериги интересов, целей и ценностей, которые, как убеждали друг друга маситые политекономы, и есть выражение его исторической сущности.

Поэтому вполне справедлива постановка авторами вопроса о фетишизации общественных отношений при социализме. План, инструкция, всевластная бумага оказываются важнее требований и обязательств действительной жизни, переворачивают их с ног на голову. Причинно-следственная связь заменяется связью «инструкция — отчет». Однако здесь, на наш взгляд, проблема шире, чем представляется авторам. Она обусловлена не столько «фетишизирующим сознанием» (с. 27—29), сколько «фетишизирующим бытием», и является фактом не духовной, а странным образом деформированной материальной жизни.

Важный элемент в изучении отчуждения труда и его социально-экономических последствий, отраженный в монографии, — анализ концепций современных леворадикальных философов, социологов и экономистов Запада. Значение их работ в том, что они вводят проблему отчуждения в актуальный и узнаваемый ряд явлений и тенденций, характерных для эпохи современной научно-технической революции. Работы таких выдающихся ученых, как Г. Маркузе, Э. Фромм, Е. Шумахер, А. Тоффлер и других, ранее были объектом огульной критики. Отрадно, что авторы книги пытаются отойти от этой досадной «традиции». Они дают взвешенную оценку действительно немалого вклада ученых-леворадикалов в исследование данной проблемы, их попыткам разработать условия преодоления отчуждения труда посредством реализации идеи «человеческого масштаба» в экономике, гуманиза-

ции экономических отношений, предложить технологические, экономические и культурные альтернативы современному типу хозяйственно-технического развития. Авторы признают (с. 188), что идея «технологического выбора» вышла уже за леворадикальные рамки и получила широкое международное признание.

Вместе с тем представляются необоснованными их предположения о соответствии двум социально-экономическим системам двух принципиально различных направлений научно-технического прогресса: ориентированных на прибыль, получаемую любыми (в том числе и антигуманными) средствами, и на создание условий для свободного всестороннего развития личности (с. 186). Проблема неотчуждающих технологий в современном мире стоит для социализма не менее остро, чем для капитализма. Причем, по-видимому, понятие «технология» в данном случае следует трактовать расширительно — как социальную технологию. Вся структура системы производительных сил и производственных отношений должна формироваться «под человека», а не наоборот — человек подгоняться под эти якобы объективно заданные параметры.

Выдвигаемые леворадикалами концепции децентрализации экономики также желательно рассматривать более сбалансированно. Ведь практика социалистического хозяйствования показывает, что в реальной жизни нет жесткой зависимости между уровнем общественного разделения труда (по крайней мере в привычной для нашего народного хозяйства форме) и производительностью, из которой фактически исходят авторы (с. 189). Осмысление сущности децентрализации, возможностей ее практического осуществления, социально-экономических последствий сейчас для нас особенно важно в свете развития кооперативных и арендных отношений.

С чем в критике леворадикалов можно согласиться, так это с выводом, что аскетизм, искусственное сокращение материального потребления не только не способствуют, но и прямо противостоят интересам преодоления отчуждения труда. Да и концепцию ограничения количественного роста, во всяком случае в условиях нашей дефицитной экономики и «остаточной» социальной сферы, следует сводить к ограничению производственного, промежуточного потребления, но уж никак не конечного, не личного. Мы уже достаточно сыты попытками создать светлое будущее посредством затягивания поясов в темном настоящем.

Долгие годы общим местом в политэкономии социализма было положение о преодолении в условиях нового общественного строя всех форм отчуждения. Однако, как верно показывают авторы, можно говорить лишь о видимости преодоления, связанной со спецификой общественного сознания в первые годы Советской власти (с. 194). Развитие же бюрократических структур и отношений, с одной стороны, объективный процесс возвышения общественных потребностей, в том числе и естественной потребности осмысленно трудиться и принимать самостоятельные решения, заметно поднявший степень кри-

тичности общественного сознания, с другой — устранили эту видимость. Отчуждение стало фактом и хозяйственной реальности, и сознания трудящихся.

В книге показано (с. 202—206), что в сложившейся системе по существу сохранились все основные формы отчуждения: от труда и его результата, от собственности, от управления. Каждая из них дает целый спектр проявлений в практической жизни. В частности, отчуждение от управления проявляется как в пассивности и социальном иждивенчестве трудящихся, так и в нарастании бюрократизации. Первое неразрывно связано со вторым. Поэтому иллюзорными являются представления, что можно преодолеть бюрократизм аппарата управления без изменения системы производственных отношений.

Отчуждение от труда связано как с «гаечно-винтичным» положением работника в производственном процессе, с нетворческим характером и тяжелыми условиями труда, так и с жесткостью и статичностью системы его организации в масштабах народного хозяйства. Думается, что важнейшим условием преодоления этого отчуждения является свободный выбор места и формы приложения труда работниками. Без этого невозможен «труд по способностям». В сложившейся системе существует масса ограничений на подвижность рабочей силы: паспорта, прописка, трудовые книжки — основа внеэкономического закрепления рабочей силы за отдельными предприятиями, регионами, отраслями, видами деятельности. Есть и экономическое закрепление: ведомственный способ распределения социальных благ (жилье, возможности отдыха и лечения, бытовое обслуживание и т. д.). Даже условия рынка рабочей силы дают меньше оснований для прогрессирующего отчуждения труда, чем сложившиеся у нас.

Отчуждение от результатов труда связано не только с порочностью системы его оплаты, нацеливающей работника на «отбытие» времени или выполнение определенного уровня (так же как хозяйственный механизм в целом ориентирует предприятия и организации на «косвенные средства»), но и с низкой хозяйственной культурой во всех народнохозяйственных звеньях. Неотъемлемые ее черты — иждивенчество, уравниловка, подавление стимулов предприимчивости, профессионального и культурного роста. Для широких слоев населения добросовестный труд стал не только непрестижным, но и чуть ли не порочным занятием.

Таким образом, опаснейшей, быть может, болезнью нашей экономики стала деградация и антистимуляция хозяйственной деятельности. Отсюда нарастание потерь, неэффективность многих производственных процессов, выпуск ненужной продукции, пренебрежение интересами потребителя. И никакими воспитательными или репрессивными мерами, никаким энтузиазмом и коллективизмом этого не исправить.

Бесхозяйственность авторы совершенно справедливо противопоставляют труду на себя. Последний, естественный, не стыкуется с первой. Однако это лишь одна сторона проблемы. Анализ капита-

листической экономики убеждает, что труд «не на себя», т. е. отчужденный, может быть добросовестным, эффективным и бесхозяйственностью он не порождает. Поэтому представляется, что характерные не только для данной публикации, но и для нашей экономической и публицистической литературы последнего времени хозяйская и самоуправленческая эйфория, противопоставление хозяйских мотиваций и мотиваций наемного труда (им отдал должное и автор этих строк) ведет к одностороннему рассмотрению данной проблемы. Для каждого отдельного работника, группы, профессионального, должностного или даже социального слоя существует не моно-, а полимотивация, пространственно-временное смещение и смешение социально-экономических позиций, в том числе и позиций хозяина, распорядителя по его поручению и наемного работника. Эти позиции, мотивации, стимулы, интересы существуют и реализуются в рамках данной хозяйственной культуры. Именно ее тип и уровень развития в конечном счете определяют добросовестность труда, эффективность производства, наличие ориентации на потребителя.

Экономическое отчуждение тесно связано и с социально-политическим расслоением людей. В этом состоит одна из важнейших основ формирования институционального среза того, что сейчас принято именовать административной системой. В качестве ее адекватных проявлений выступают бюрократизм, патернализм, делегирование наверх прав и ответственности, ритуализация большинства хозяйственных и политических функций. В этом смысле административная система — это определенный тип взаимоотношений людей «по горизонтали», склад общественной психологии, традиций и стереотипов, иерархия ценностей, при которых гражданское общество подавляется государственной машиной, а управляющие органы не только принимают решения, но и дают оценки, высказывают суждения, да и вообще задумываются. Отчуждение социально-экономическое дополняется отчуждением интеллектуально-нравственным, отчуждением мысли, достоинства, морали. А монополизировавшая все это административная система претендует на роль интеллектуального и нравственного абсолюта.

С этим связано и формирование мнимой коллективности, на опасность которой обращали внимание еще К. Маркс и Ф. Энгельс. Беда в том, что от имени мнимых коллективов, мнимого общества, мнимого большинства бюрократия может практически бесконтрольно творить самые антиэкономичные и хуже того — антигуманные дела, среди которых ведомственное уничтожение природной и культурно-

исторической среды обитания человека, целых народностей и т. п. На один из аспектов данной проблемы — мнимую коллегиальность принятия управленческих решений, размывание ответственности в процессе бюрократических согласований и увязок — обращается внимание в рецензируемой монографии (с. 240—241).

Из сказанного следует, что перестройка общественной жизни предполагает преодоление или по крайней мере существенное ослабление всех форм отчуждения и прежде всего бюрократизма, бесхозяйственности, социальной пассивности и индифферентности. Как себе представляют возможности и условия этого процесса авторы? В основном их рассуждения и предложения не выходят за рамки уже апробированных (в научных публикациях, в нормативных документах, а отчасти и хозяйственной практике) идей. Прежде всего это демократизация форм социалистической собственности через развитие самоуправления, самопланирования, полного хозрасчета, активизацию реальных товарно-денежных отношений, развитие кооперации, подряда, индивидуальной трудовой деятельности. Однако социальные перемены идут настолько быстро, что обгоняют, казалось бы, самые смелые замыслы. Кажущаяся вторичность этого раздела книги во многом связана с неповоротливостью и затянutosтью издательского процесса. Так, сегодняшние потребности хозяйственной реформы поставили на повестку дня уже новую — третью, арендную модель хозрасчета. Кооперативное движение выходит за рамки сельского хозяйства, торговли и бытового обслуживания. Кооперативами становятся крупные предприятия. Появляются признаки социализации и политизации этого движения, формирования не только нового типа хозяйства, но и новой идеологии и культуры.

Человек, чувствующий неразрывную связь со средствами производства, твердо стоящий на своей земле, самостоятельно принимающий ответственные решения, мыслит уже по-другому. Он ищет новые формы соединения с трудом и его результатом, собственностью, управлением. Конечно, не следует идеализировать этот непростой процесс. Ему присущи многие противоречия, важнейшим из которых, по видимому, является противоречие между формирующимся гражданским обществом и набравшей огромную инерцию административной системой. Думается, что именно на исследование реальных противоречий, возникающих в процессе преодоления отчуждения, и должно быть направлено внимание ученых. На этом пути можно ожидать подлинных социально-экономических открытий.

Улюкаев А. В.

Стратегии сырьевого обеспечения в народнохозяйственном развитии.
М.: Наука, 1989.— 280 с.

Рецензируемая коллективная монография представляет собой одну из первых в отечественной научной литературе попыток комплексного, системного рассмотре-

ния проблемы обеспечения экономики страны минеральным сырьем и топливом. Практическая важность незамедлительной проработки всего круга вопросов ре-